

«ГОРЯЧИЙ РЕВНИТЕЛЬ КАЗЕННЫХ ВЫГОД»: ОБРАЗ ВАСИЛИЯ НИКИТИЧА ТАТИЩЕВА В СВЕТЕ ЕГО ПЕРВОЙ НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ

Мининкова Людмила Владимировна

Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия
lvmininkova@sfedu.ru

Аннотация. Свидетельством развития исторической науки в России стало возникновение трудов по ее истории, и прежде всего об отдельных историках, в частности, труд Н.А. Попова о В.Н. Татищеве. В историографии данный труд оценивается как фундаментальный и как первое исследование, посвященное этому видному российскому государственному деятелю и ученому. В нем проанализирована многообразная деятельность В.Н. Татищева в разных сферах своей деятельности. Подчеркивается, что В.Н. Татищева ценил Петр I как участника войны со Швецией и как способного администратора. Особое внимание уделял Н.А. Попов деятельности В.Н. Татищева в период его службы на Урале и в Астрахани, его роли в создании уральской промышленности и в налаживании отношений с башкирами и калмыками, в событиях острой политической борьбы, связанной с «затейкой верховников». В.Н. Татищев показан как реалист своего времени, учитывавший ситуацию в государстве и ставивший научную задачу, которая могла быть в то время выполнена.

Ключевые слова: историография, труды об историках, Н.А. Попов, В.Н. Татищев.

Цитирование: Мининкова Л.В. «Горячий ревнитель казенных выгод»: образ Василия Никитича Татищева в свете его первой научной биографии // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 2. С. 47–59. DOI 10.18522/2500-3224-2022-2-47-59 / Mininkova L.V. "An Ardent Defender of State Benefits": The Image of Vasily Nikitich Tatishchev in His First Scientific Biography, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2022. No. 2. Pp. 47–59. DOI 10.18522/2500-3224-2022-2-47-59.

© Мининкова Л.В., 2022

“AN ARDENT DEFENDER OF STATE BENEFITS”: THE IMAGE OF VASILY NIKITICH TATISHCHEV IN HIS FIRST SCIENTIFIC BIOGRAPHY

Mininkova Ludmila V.

Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia
lvmininkova@sfedu.ru

Abstract. Evidence of the development of historical science in Russia was the emergence of works on its history, and above all about individual historians, in particular, the work of N.A. Popov about V.N. Tatishchev. Historiography evaluates this work as fundamental and as the first study dedicated to this prominent Russian statesmen and scientist. It analyzes the diverse activities of V.N. Tatishchev in different spheres of his activity. It is emphasized by Peter I as a participant in the war with Sweden and as an able administrator. N.A. Popov paid special attention to the activities of V.N. Tatishchev during his service in the Urals and Astrakhan, his role in the creation of the Ural industry and in establishing relations with Bashkirs and Kalmyks, in the events of the acute political struggle associated with the “venture of the Verkhovniki”. V.N. Tatishchev is shown as a realist of his time, who took into account the situation in the state and set a scientific task that could be completed at that time.

Keywords: historiography, works about historians, N.A. Popov, V.N. Tatishchev.

Характерной чертой европейской культуры эпохи романтизма было стремительное возрастание интереса к истории, прежде всего к родному прошлому и культуре своего народа. В полной мере это проявилось и в отечественной культуре. Ответ на такой общественный запрос призвана была дать активно формировавшаяся в то время историческая наука. В меру своих возможностей она давала такой ответ. Наиболее ярким выражением ее стал исторический метанарратив Н.М. Карамзина «История государства Российского», вызвавший огромный интерес у российской читающей публики и общественные дискуссии о старой и новой России. Значение этого труда не только в том, что он сделал доступным для российской читающей публики сведения об истории своего государства, и не только в том, что он дал мощный толчок развитию отечественной исторической мысли. Едва ли ни большее значение труда Н.М. Карамзина состоит еще и в том, что он способствовал выдвиганию на первый план отечественной культуры истории как формы научного знания и историка как феномена культуры, способного давать ответы на острые вопросы современности, основанные на исследовании материалов от угасших культур. Наряду с ростом интереса к истории возрастал, в свою очередь, интерес и к самому историку, поскольку с развитием исторического сознания и исторического мышления был все более очевиден отпечаток его личности на созданное им произведение.

Для российского общества середины XIX в. своего рода образцом историка был, несомненно, Н.М. Карамзин. Свое самое почтительное отношение к нему и к его произведению выражали историки двух поколений, среди которых наиболее видными личностями были М.П. Погодин и С.М. Соловьев. Но вместе с тем развивавшаяся историческая мысль не могла не поставить вопрос об историчности личности самого великого историографа и его произведения. Это наталкивало мысль на размышления об истоках отечественной историографии и русской истории как науки и давало основание историкам поставить вопрос о предшественниках Н.М. Карамзина. В качестве одного из таких предшественников виделся Василий Никитич Татищев, труд которого «История Российская» публиковался в царствование Екатерины II Г.Ф. Миллером.

В процессе становления истории как научной дисциплины, которое происходило начиная, возможно, с В.Н. Татищева [Алпатов, 1976, с. 3], стала формироваться ее структура, в которой с неизбежностью заняла свое место и история данной дисциплины. Необходимость ее становилась очевидной в исследовательской практике, поскольку такая история позволяла получить сведения о степени разработанности изучаемой исследователем темы. Вместе с тем представления о том, в каком направлении должна изучаться история исторической науки вообще, еще не сложились. Но, поскольку в развитии науки и ее идей исключительное значение имеет личностное начало, то история исторической науки на стадии своего становления пошла по пути наиболее доступному для первоначального поиска и вызывающего не только профессиональный, но и общественный интерес. Это был путь, связанный с изучением человека в исторической науке, его вклада в нее. Но все это также

предполагало выход за рамки анализа чисто научной деятельности историка, и самого внимательного отношения к иным сторонам его жизни и деятельности, не относившимся к науке. Тем более, что все это было интересно не только само по себе. Оно давало материал для более глубокого понимания особенностей личности историка, которая с неизбежностью сказывалась на его исследовательской работе по изучению российской истории.

В таких условиях в середине XIX в. возникали первые труды, объектом изучения которых становились историки. Не удивительно, что в первую очередь это был Н.М. Карамзин, которому посвятил свое исследование в двух частях М.П. Погодин. Для М.П. Погодина Н.М. Карамзин был своего рода образцом, на который должны были ориентироваться, как он подчеркивал, историки последующих поколений. Но вскоре в поле зрения исследователей попал В.Н. Татищев — историк, известный несравненно менее, чем Н.М. Карамзин, но, безусловно, являющийся одной из наиболее ярких фигур среди предтеч великого историографа. Поэтому само по себе обращение к татищевской теме говорило об определенном уровне развития отечественной исторической науки, в которой вызывал интерес историк, положивший начало общему изучению прошлого страны после некоторых попыток предшествовавшего времени, весьма неудачных, имевших место еще со времени царя Алексея Михайловича.

Историком, который обратил внимание на тему В.Н. Татищева и глубоко ее разработал в своей книге, был Нил Александрович Попов (1833–1891). О нем известно весьма немного. Он обычно упоминался в связи с его главным трудом о В.Н. Татищеве и с другими исследованиями татищевской темы [Пештич, 1965, с. 124, 131; Рубинштейн, 1941, с. 68, 69, 72]. Профессор Московского университета, с 1883 г. — член-корреспондент Академии Наук, с 1885 г. — управляющий Московским архивом Министерства юстиции, славяновед, был близок к пореформенным славянофилам. Н.А. Попов был назван среди «видных славянофилов и представителей панславистской школы» [Очерки..., 1960, с. 494], отмечались его труды по истории Сербии XIX в. [Очерки, 1960, с. 495]. Книга о В.Н. Татищеве была изданием магистерской диссертации Н.А. Попова, которую он защитил в 1861 г. [СИЭ, 1968, с. 411]. Как отмечал А.М. Дубровский, в 1860-х гг. С.М. Соловьев передал Н.А. Попову чтение курса по древней русской истории в Московском университете [Дубровский, 2020, с. 14]. Н.А. Попов также написал историю императорского Московского общества истории и древностей российских, которая вышла в свет в 1884 г. [Очерки..., 1955, с. 573]. Современный исследователь истории России XVIII в. И.В. Курукин отнес книгу Н.А. Попова о В.Н. Татищеве к фундаментальным монографиям [Курукин, 2003, с. 19]. Но весьма критически оценивал книгу Н.А. Попова о Татищеве советский исследователь А.И. Юхт. Он признавал, что эта книга является «единственным монографическим опытом биографии В.Н. Татищева в отечественной историографии». Н.А. Попов использовал архивный материал. Но он касался «главным образом деятельности Татищева по отношению с кочевыми народами» и был собран «односторонне». Он указывал, что Н.А. Попов широко привлек материалы коллегии

иностранных дел, но не привлек немало важного материала Сената, Верховного тайного совета, Берг-коллегии, Госархива. Отсюда деятельность Татищева в 20-х – начале 30-х гг. XVIII в. была освещена им неполно [Юхт, 1985, с. 10].

По мнению В.Е. Иллерицкого, книга Н.А. Попова о В.Н. Татищеве «основана на обильном архивном материале, часть которого была впервые опубликована в приложении к ней. В.Е. Иллерицкий признавал, что в книге «материалы, характеризовавшие также и занятия В.Н. Татищева изучением русской истории, были тщательно обработаны автором, чем и определяется основанная ценность книги Н.А. Попова». В то же время В.Е. Иллерицкий считал, что в теоретическом отношении книга Н.А. Попова «довольно слаба». По его мнению, главный изъян исследования состоял в том, что исторические воззрения В.Н. Татищева «не оказались... предметом самостоятельного исследования и были затронуты лишь в связи с характеристикой его литературного наследства» [Очерки..., 1960, с. 560, 561]. Между тем, современные историки высказывают и более позитивные оценки этой книги. Так, А.П. Толочко отмечал, что «первый опыт» биографии В.Н. Татищева, которым явился труд Н.А. Попова, донныне является его «лучшей биографией» [Толочко, 2005, с. 8].

Конечно же, говоря о невысоком теоретическом уровне книги Н.А. Попова, В.Е. Иллерицкий имел в виду то, что в книге не анализировались теоретические установки В.Н. Татищева, на основе которых он создавал свою «Историю Российскую». С этим можно согласиться. Но это не значит, что в книге Н.А. Попова не ставились важные теоретические вопросы, которые с неизбежностью возникают при работе историка в жанре научной биографики над темой, посвященной историку. Очевидно, что перед Н.А. Поповым подобный вопрос вставал. Тем более, что он не имел еще образцов исследования биографической темы в отечественной исторической науке, относящейся к историку. Вопрос стоял перед ним очень конкретно: как представить читателю не только жизненную траекторию В.Н. Татищева, но и вехи его интеллектуальной биографии, путь становления историка? Остановиться ли только на исследовании вклада ученого в историческую науку, или показать его жизнь и судьбу, труд его как историка-исследователя в контексте событий, которые происходили при его жизни и к которым он был так или иначе причастен? С одной стороны, как справедливо указывал В.О. Ключевский в своей статье, написанной по случаю кончины С.М. Соловьева, «в жизни ученого и писателя главные биографические факты – книги, важнейшие события – мысли» [Ключевский, 1959, с. 143]. Но, с другой стороны, можно ли было вырвать академическую биографию историка из событийного контекста его времени? Насколько в таком случае были бы понятны его «важнейшие события – мысли», порождавшие его «важнейшие факты – книги»? И тем более, это относилось к бурным периодам истории, когда историк не мог ограничиваться только своей научной деятельностью и вовлекался в события, являясь живой частью окружающего мира. К тому же следовало учитывать, что само по себе отнесение В.Н. Татищева к числу профессиональных историков требует определенных оговорок, поскольку его творчество относится к тому периоду, когда

историческая наука была в зачаточном состоянии, когда еще не было исторического образования, и поэтому исторические знания можно было получать лишь путем самообразования, при наличии интереса к ним.

Как раз в такой исторический период протекала деятельность В.Н. Татищева. На годы его жизни пришлись события, результатом которых стала крутая ломка порядков и традиций Московского государства и создание Российской империи. В ряде важнейших из них Татищеву довелось принимать участие. Он побывал в сражениях Северной войны, строил заводы на Урале и город Екатеринбург, управлял монетной конторой, был участником событий борьбы за власть во время «затейки верховников», руководил Оренбургской и Астраханской губерниями, налаживал отношения с башкирами и калмыками. И при этом В.Н. Татищев, загруженный множеством служебных обязанностей, живо интересовался родной страной, ее географией, этнографией и особенно ее историей. Это обстоятельство предопределило для Н.А. Попова выбор в пользу соединения научной биографии своего героя-историка с общим его жизнеописанием. Самое главное при этом, что Н.А. Попову удалось провести мысль, согласно которой все научные интересы Татищева имели органичную связь с его служебной деятельностью и с участием в политической борьбе, когда он отстаивал интересы «шляхетства». Тем самым службу Татищева и его научные интересы Н.А. Попов показал в тесном и неразрывном единстве, которое представляла собой его личность. Перед исследователем биографии историка стоял важный теоретический вопрос, имевший два варианта ответа. Один вариант – останавливаться только на научной стороне его деятельности, другой – освещать жизнь его в целом. Н.А. Попов выбрал второй вариант. Обоснования этого решения он не дал, но сам труд историка представляет собой практическое воплощение данного выбора.

Также теоретическое значение имеет ответ Н.А. Попова на вопрос о том, когда, или на какой стадии развития исторической науки, возможно обращение к теме биографии самого историка. Он считал, что такая тема возникает не сразу, но постепенно, по мере развертывания исторических исследований и решения более общей проблематики. Но как только историческая наука достигает определенных успехов в изучении общих вопросов, возникает общественная потребность в знаниях о самом историке. В таком случае создается возможность для постановки биографии историка в качестве проблемы исследования. В своем кратком предисловии к книге Н.А. Попов писал: «Теперь, когда после государственной истории России обращено внимание в нашей ученой литературе, на историю общественной и народной жизни, я считаю далеко не лишним изучение биографическое» [Попов, 1861, с. 1].

Что касается самой татищевской биографии, то в труде Н.А. Попова прослеживается вполне научный подход к ней. Несомненно, историк создавал образ В.Н. Татищева по сложившемуся уже в русской литературе и в национальной исторической памяти стандарту. Такой стандарт был задан Д.И. Фонвизиним образом Стародума из «Недоросля» – честного просвещенного служаки-дворянина петровского и близкого к петровскому времени, прошедшего военную и статскую службу и

недовольного порядками екатерининского времени. «Вот злонравия достойные плоды!» – таков его отзыв о новых временах. Данная трактовка образа Стародума была весьма популярна среди российских читателей, видевших в нем антипода Простаковым и Скотининым. Между тем, сходство между Татищевым и фонвизинским персонажем было относительным. Конечно же, Татищев тоже служил достойно, был, по словам Н.А. Попова, «служака, опытный берг-советник, знаток древней русской истории, ученый» [Попов, 1861, с. 97]. Однако в том, что касается честного служения, то в понятиях татищевского времени, и Века Просвещения вообще, в самой основе государственной службы лежало, по словам Н.А. Попова, «даже для лучших людей эпохи не нравственное сознание исполняемого долга, а формальные обязанности службы» [Попов, 1861, с. 40]. Как объективный исследователь, Н.А. Попов не пытался идеализировать своего героя. Он приводил эпизод, когда Петр I расспрашивал Татищева о делах на Урале, где он служил при горных заводах. «Горячий ревнитель казенных выгод» [Попов, 1861, с. 36], по оценке Н.А. Попова, Татищев имел столкновение с богатейшим горнозаводчиком Демидовым, который возлагал на него перед Петром обвинения, в том числе во взятках. Но при расспросе его царем В.Н. Татищев обосновывал возможность при определенных условиях брать «мзду». Он будто бы, как писал Н.А. Попов, говорил, что «должен за получаемое жалованье работать только до полудни». Но если дело затягивается, то «челобитчик принужден с великим убытком волочиться и всего лишиться». Поэтому требовалось трудиться в нерабочее время. «Если я вижу, что мой труд не втуне будет, то я не токмо после обеда, но и ночью потружуся» [Попов, 1869, с. 39], – будто бы говорил Татищев Петру. По-видимому, это объяснение удовлетворило царя, и он, по словам биографа, «расстался с Татищевым без гнева». Давая такое объяснение, В.Н. Татищев выступал как честный, но блюдущий свои интересы прагматик, исходя из практики реальных отношений того времени, а также по той причине, что, как отмечал Н.А. Попов, чиновники нередко имели «крайне ограниченное жалованье из казны» [Попов, 1861, с. 40]. При этом, подчеркивал Н.А. Попов, В.Н. Татищев сделал очень много полезного по службе. Позволяя себе брать «мзду», он не допускал крайностей и «остался свободен от упреков касательно тех злоупотреблений и насилий, которые позволяли себе Меншиков, Толстой, Долгорукие, Бирон» [Попов, 1861, с. 531].

Как показал Н.А. Попов, В.Н. Татищев был сыном своего времени со свойственным ему культом разума, в обыденной жизни приобретавшего характер всеохватывающего и безраздельного практицизма. Он был человеком рационалистического склада ума и вполне прагматичной мотивации, в которой, тем не менее, не преодолевал той зыбкой грани, за которой прагматизм превращается в цинизм. Назвав Татищева «горячим ревнителем казенных выгод», Н.А. Попов очень точно обозначил эту грань: его герой вполне практичен и порой даже может показаться корыстным, но во всем, что касается государственного интереса, он является «ревнителем», т. е. человеком принципов и непоколебимых моральных устоев. Это свойственное Татищеву сочетание разумного прагматизма и недвусмысленной политической позиции проявилось и в событиях января–февраля 1730 г., когда имела

место «затейка верховников». Как отметил Н.А. Попов, Татищев имел тесные связи и общие интересы с наиболее видным из верховников, князем Д.М. Голицыным, и пользовался его богатой библиотекой. Тем не менее, отмечает биограф, «чтение одних и тех же писателей не было ручательством того, что все их чтецы усвоят себе одинаковые политические убеждения» [Попов, 1861, с. 96]. Это, указывал он, проявилось в различиях политической позиции в ходе событий 1730 г., когда князь Д.М. Голицын и В.Н. Татищев оказались по разные стороны острого политического противостояния. По его мнению, разошлись два просвещенных дворянина и две выдающиеся личности своего времени не случайно, что видно на основании их сравнительной историко-психологической характеристики, представленной Н.А. Поповым. Так, князь Голицын «был представителем старинной родовой знати, которая не только хотела возратить более счастливые для нее времена царей, но и сильно соблазнялась политическими успехами шведской аристократии и польских магнатов». В отличие от князя Голицына, Татищев более реально представлял себе политическую ситуацию в России и опасения «шляхетства», видевшего угрозу своим интересам в захвате знатью всей полноты власти. По словам Н.А. Попова, Татищев «чужд был узких, личных интересов, не доверял примеру соседних государств, опирался в своих предположениях на историю и действительность» [Попов, 1861, с. 96–97]. Татищев, как отмечал Н.А. Попов, выступал решительным противником аристократического правления, стремление к которому дворянство усматривало в попытке верховников ограничить самодержавие, и «писал» проект «об условиях» со стороны «шляхетства». Как замечает по поводу данного фрагмента биографии Татищева И.В. Курукин, история авторства и появления первого проекта челобитной от дворянства не ясна, но, по его словам, «большинство исследователей считает его вышедшим из-под пера Татищева». И.В. Курукин при этом замечает, что при наличии в этой челобитной «противодействия "верховникам"» она «была не однозначно "просамодержавной"» [Курукин, 2003, с. 207].

Относительно содержания и значения этих «шляхетских условий», приводимых в книге Н.А. Попова, в современной историографии сложился определенный консенсус: они в полной мере выражали стремление дворянства укрепить свои политические позиции. Так, в проекте-челобитной высказывалось мнение, что «следует во всех правлениях людей достойных иметь, не смотря на высокородство, откуда много негодных в чины производят», что выражало отрицательное отношение «шляхетской» среды к высшей знати. Прямо против верховников, князей Голицыных и Долгоруких, был направлен пункт пятый: «Двум членам одной и той же фамилии не быть в сенате, или в высшем правительстве». При аресте предлагалось, чтобы «тайная канцелярия не касалась пожитков» арестованного. «Относительно шляхетства» в седьмом пункте выдвигался ряд условий. Следовало «устроить во всех городах потребные для него училища», ограничить срок службы двадцатью годами, «в матросы и ремесла не писать», «составить роспись шляхетству и всем, владеющим деревнями, из какого бы числа ни были они» [Попов, 1861, с. 121]. В целом в ходе событий 1730 г. дворянство добилось успеха, верховники потерпели поражение. Отражением этого успеха была роль церемониймейстера, отведенная Татищеву

при коронации Анны Иоанновны [Попов, 1861, с. 133]. Как человек реалистически мыслящий, но при этом принципиальный в вопросах политики, Татищев выступал в описанных выше событиях выразителем интересов дворянства и его стремления к усилению своих позиций во власти. Тем самым Татищев отразил ситуацию, когда, по словам В.О. Ключевского, «в XVIII в. ... дворянство само пытается править обществом посредством правительства» [Ключевский, 1957, с. 9].

То же сочетание разумного прагматизма и рвения в делах государственных видимы и в управленческой деятельности Татищева на Урале, в частности, в отношениях с местным населением. Ему пришлось осуществлять административные функции в сложных условиях подавления башкирского восстания, начавшегося в 1735 г. в связи с отнятием земель у башкир для строительства заводов и крепостей. Н.А. Попов показывал действия Татищева при подавлении восстания в сравнении с другими царскими администраторами. Так, он писал, что генерал-майор Соймонов, захватив в плен башкир, «придал их странным казням, как выражается историограф экспедиции: отсечению рук и ног, урезанию языков и носов» [Попов, 1861, с. 186]. Так действовали и другие начальники. В целом такие действия соответствовали дворянскому отношению к восставшему народу и господской ментальности по отношению к «простонародью». Интересный пример в этой связи со ссылкой на И.И. Дмитриева приводил историк Пугачевского восстания А.С. Пушкин. По этим сведениям, молодой офицер Г.Р. Державин, участвовавший в подавлении восстания под Саратовом, «повесил ... двух мужиков более из поэтического любопытства, нежели из настоящей необходимости» [Пушкин, 1976, с. 126]. Татищев же, как отмечал Н.А. Попов, «действовал иначе», чем другие администраторы, и «предложил несколько мер, облегчавших положение башкирцев, которые и были утверждены кабинетом [министров]». В частности, не посылать к башкирам своих ясачников и целовальников для сбора ясака, но передать это самим башкирским старшинам, а также ряд других очень конкретных мер [Попов, 1861, с. 186]. В данном случае реалистический подход Татищева к исполнению своих обязанностей, показанный Н.А. Поповым, строился на основе опыта всей его службы на Урале, знания реалий жизни башкирского общества и стремления создать предпосылки для прекращения восстания.

Как разумный прагматик, учитывавший общее состояние научного знания на его теоретическом и прикладном уровне, Татищев проявлял себя, когда осознал различие между своим стремлением к исследовательской работе и возможностью ее проведения. Деятельность Татищева на Урале и в Нижнем Поволжье, поездки по стране убеждали его в насущной необходимости составления российской географии. Н.А. Попов писал о таком стремлении Татищева и отмечал, что мысль об изучении российской географии была ему внушена графом Я.В. Брюсом [Попов, 1861, с. 435]. Н.А. Попов ставил при этом вопрос, насколько готова была наука в России к созданию такого географического труда. Он обращал внимание на предпосылки, которые имелись к тому времени и называл «Книгу Большого чертежа», русские экспедиции и их результаты, разнообразные ландкарты. Сам Татищев, как

писал Н.А. Попов, уделяя в период своей службы много внимания геодезическим работам и этнографическим исследованиям. Но при этом Н.А. Попов справедливо указал на общую теоретическую неподготовленность не только российской, но и европейской науки к такой работе, хотя бы даже на примере неудовлетворительного для такой работы определения того, что представляет собой география, которое содержалось в атласах 1742 и 1745 гг. [Попов, 1861, с. 442–443]. Не было, отмечал Н.А. Попов, также необходимых географических лексиконов. Татищев поэтому вполне осознал, в конечном счете, неподготовленность науки в России к подобной общей и очень большой работе. Поэтому вполне реальной для науки того времени задачей Татищев посчитал составление «Словаря Российского, исторического, географического, политического и гражданского», который мог бы стать необходимым предварительным условием для создания географии страны. Выполнить до конца намеченное Татищев не успел и довел словарь до буквы К. По оценке биографа, такой труд можно также рассматривать как «труд, предшествовавший словарям Полунина, Щекатова и академии» [Попов, 1861, с. 444]. Как убедительно показал Н.А. Попов, Татищев оставил погоню за неосуществимым в тех условия планом создания географии России. И, остановившись на лексиконе как на необходимой предпосылке для такой географии, наметил путь к успеху, закладывая основы будущего географического и исторического страноведения, которое получит свое развитие в России уже в XIX в.

Наконец, отражением понимания реальных потребностей российской культуры нового времени стала поставленная Татищевым задача составления русской истории. При Петре I такая потребность стала ощущаться со всей остротой. Как отмечал С.М. Соловьев, «Петр ... спрашивал у Феофана Прокоповича: “Когда увидим мы полную русскую историю?” На этот вопрос Прокопович не мог дать ответа» [Соловьев, 1995, с. 165]. Как показал Н.А. Попов, первым ответ на этот вопрос царя давал Татищев. Но, поняв реальную потребность культуры страны в знании ее истории, Татищев также с реалистических позиций подошел к вопросу о возможности создания труда, который не смог создать назначенный для этой работы дьяк Федор Поликарпов. Это заключалось в том, что он понимал необходимость поисковой работы и, как подробно показал Н.А. Попов, уделяя ей самое значительное внимание. Татищев, по его словам, «собирал рукописи исторического содержания, народные песни и поверья, старинные ландкарты». Он «роется в архивах, покупает рукописи на площадях у разносчиков», «разъезжая по Уральским горам, беседует с инородцами» [Попов, 1861, с. 434], и ищет другие, самые разнообразные свидетельства по истории и культуре разных народов. Н.А. Попов особо подчеркивал, сколь обширен был круг источников, использовавшихся Татищевым в работе над «Историей Российской». Тем самым он показывал, что понимание реальной потребности русского общества в собственном историческом нарративе предполагало колоссальный труд по поиску источников и их обработке, в котором Татищев проходил путь, до него никем еще не пройденный в историографии. Н.А. Попов отмечал также не только сильные стороны работы Татищева над источниками, но и то, что мешало ему в труде его в качестве историка. Первое относилось к критике источников и

к стремлению уяснить их содержание. Так, Татищев «с особенною недоверчивостью» относился к тому, что было написано «духовными писателями» [Попов, 1861, с. 473]. Второе же состояло в том, что касалось «убеждений его исторических и политических», которые «были неразрывно и тесно связаны между собой» [Попов, 1861, с. 475]. В целом такая связь была не удивительна для того времени, когда история как наука находилась еще в стадии своего зарождения и не была осмыслена необходимость отделения ее объекта и предмета от философии и политических наук. В целом Н.А. Попов не столько ответил на вопросы, касавшиеся большого исторического труда Татищева, сколько поставил их для исследователей более позднего времени. И в этом уже была сама по себе значимость его вклада в исследование вопроса о Татищеве как об историке.

Первая биография В.Н. Татищева, созданная Н.А. Поповым, представила перед читателем образ этого выдающегося деятеля русской истории и культуры первой половины XVIII в. живой, многогранный и вполне научный. Она свидетельствует о том, насколько историческая наука в России была подготовлена к постановке и решению такой проблемы, как биография историка, и могла успешно решать ее. Н.А. Поповым не только был поставлен и решен ряд проблем, относящихся к биографике историка. Им был создан образ В.Н. Татищева как человека Эпохи просвещения, способного быть «ревнителем казенных выгод» и не забывавшего о собственных вполне корыстных интересах, умевшего сочетать высокие идеалы и практицизм, честную службу с прочно утвердившимися со времени Московского государства практиками чиновного мира, улавливать политические тенденции, ставить и разрешать актуальные задачи современной ему науки.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVII–первая четверть XVIII века). Москва: Наука, 1976. 455 с.

Дубровский А.М. Концептуальные идеи в лекционных курсах С.М. Соловьева // *С.М. Соловьев и его эпоха: к 200-летию со дня рождения историка: Сб. статей.* Москва: ИРИ РАН, 2020. С. 13–23.

Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 3 // *Ключевский В.О.* Соч. в 8 т. Т. 3. Москва: Соцэкгиз, 1957. 426 с.

Ключевский В.О. Сергей Михайлович Соловьев (умер 4 октября 1879 г.) // *Ключевский В.О.* Соч. в 8 т. Т. 7. Москва: Соцэкгиз, 1959. С. 126–144.

Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. Рязань: НРИИ, 2003. 566 с.

Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 1. Москва: Изд-во АН СССР, 1955. 693 с.

Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 2. Москва: Изд-во АН СССР, 1960. 862 с.

Пештич С.А. Русская историография XVIII века. Ч. 2. Ленинград.: Изд-во ЛГУ, 1965. 344 с.

Попов Н.А. В.Н. Татищев и его время. Эпизод из истории государственной, общественной и частной жизни в России первой половины прошедшего столетия. Москва: Изд. К. Солдатенкова и Н. Щепкина, 1861. 804 с.

Пушкин А.С. Замечания о бунте // Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 т. Москва: Художественная литература, 1976. С. 123–129.

Рубинштейн Н.Л. Русская историография. Москва: Госполитиздат, 1941. 660 с.

Советская историческая энциклопедия (СИЭ). Т. 11. Москва: Советская энциклопедия, 1968. 1023 с.

Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати книгах. Книга XVI. Москва: Мысль, 1995. 551 с.

Толочко А.П. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. Москва: НЛО; Киев: Критика, 2005. 544 с.

Юхт А.И. Государственная деятельность В.Н. Татищева в 20-х–начале 30-х годов XVIII в. Москва: Наука, 1985. 367 с.

REFERENCES

Alpatov M.A. *Russkaia istoricheskaia mysl i Zapadnaia Evropa (XVII–pervaia polovina XVIII veka)* [Russian Historical Thought and Western Europe (17th–the first quarter of the 18th century)]. Moscow: Nauka Publ., 1976. 455 p. (in Russian).

Dubrovsky A.M. *Konceptualnye idei v lekcionnyh kursah S.M. Soloviova* [Conceptual ideas in S.M. Solovyov's lecture courses], in *S.M. Solovyov i ego epoha: k 200-letiu so dnia rozhdenia istorika* [S.M. Solovyov and his epoch: to the 200th anniversary of the historian's birth]. Coll. works. Moscow: IRI RAN, 2020. Pp. 13–23 (in Russian).

Kluchevsky V.O. *Kurs russkoi istorii. Ch. 3* [Russian History Course]. Part 3, in Kluchevsky V.O. *Sochinenia v 8 t.* [Essays in 8 volumes]. Moscow: Socekiz, 1957. Vol. 3. 426 p. (in Russian).

Kluchevsky V.O. *Sergei Mihailovich Solovyov (umer 4 oktiabria 1879 g.)* [Sergei Mihailovich Solovyov (dead on October 4 1879)], in Kluchevsky V.O. *Sochinenia v 8 t.* [Essays in 8 volumes]. Moscow: Socekiz, 1959. Vol. 7. Pp. 126–144 (in Russian).

Kurukin I.W. *Epoha "dvorskikh bur": Ocherki politicheskoi istorii poslepetrovskoi Rossii? 1725–1762 gg.* [The Era of the "Court Storms": Essays on the Political History of Post-Petrine Russia, 1725–1762]. Riasan': NRIL, 2003. 566 p. (in Russian).

Ocherki istorii istoricheskoi nauki v SSSR [Essays on the History of Historical Science in the USSR]. Vol. 1. Moscow: AN SSSR Publ., 1960. 693 p. (in Russian).

Ocherki istorii istoricheskoi nauki v SSSR [Essays on the History of Historical Science in the USSR]. Vol. 2. Moscow: AN SSSR Publ., 1965. 862 p. (in Russian).

Peshtich S.A. *Russkaia istoriografia XVIII veka* [Russian Historiography of the XVIII century]. Part 2. Leningrad: LGU Publ., 1965. 344 p. (in Russian).

Popov N.A. *V.N. Tatishchev i ego vremia. Epizod iz istorii gosudarstvennoi, obshestvennoi i chastnoi zhizni v Rossii pervoi poloviny proshedshego stoletia* [V.N. Tatishchev and his time. An episode from the history of state, public and private life in Russia in the first half of the last century]. Moscow, 1861. 804 p. (in Russian).

Pushkin A.S. *Zamechaniia o bunte* [Remarks on the riot], Pushkin A.S. *Sobranie sochinenii v 10 t.* [Essays in 10 vol.]. Moscow: Hudoshhestvennaia literatura, 1976. Pp. 123–129 (in Russian).

Rubinstein N.L. *Russkaia istoriografia* [Russian Historiography]. Moscow: Gospolitizdat, 1941. 660 p. (in Russian).

Solov'yev S.M. *Sochineniya v vosemnadtsati knigakh. Kniga XVI* [Essays in eighteen books. Book XVI]. Moscow: Mysl', 1995. 551 p. (in Russian).

Sovetskaia istoricheskaia enciclopedia [Soviet Historical Encyclopedia]. Vol. 11. Moscow: Sovetskaia istoricheskaia enciclopedia, 1968. 1023 p. (in Russian).

Tolochko A.P. *"Istoria Rossiiskaia" Vasilii Tatishcheva: istochniki i izvestia* ["Russian History" by Vasily Tatishchev: sources and news]. Moscow: NLO; Kiev: Kritika, 2005. 544 p. (in Russian).

Juht A.I. *Gosudarstvennaya deyatel'nost' V.N. Tatishcheva v 20-kh–nachale 30-kh godov XVIII v.* [V.N. Tatishchev's state activity in the 20s–early 30s of the 18th century]. Moscow: Nauka, 1985. 367 p. (in Russian).

Статья принята к публикации 22.04.2022